

УДК 811.161.1'37+81:39

DOI: 10.37482/2687-1505-V101

ЖУКОВСКАЯ Лариса Игоревна, кандидат филологических наук, доцент, директор Института филологии и журналистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского. Автор 37 научных публикаций*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2044-1829>

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЛЕКСЕМЫ МЕНТАЛИТЕТ В МЕТАФОРИЧЕСКИХ МОДЕЛЯХ СУБЪЕКТНО-ПРЕДИКАТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Представлены результаты очередного этапа исследовательского проекта по фронтальному анализу условий и результатов контекстуальной актуализации лексем – репрезентантов концепта МЕНТАЛИТЕТ / МЕНТАЛЬНОСТЬ. Объектом исследования является лексема *менталитет* в неузальных субъектно-предикатных сочетаниях. Цель исследования – изучить семантические преобразования слова *менталитет* в концептуально-метафорических моделях овеществления и одушевления. В работе использованы метод когнитивной интерпретации абстрактной лексики Л.О. Чернейко и методика анализа концептов культуры, принятая в Нижегородской концептологической школе. Материалом исследования являются языковые данные Национального корпуса русского языка. Научная значимость работы состоит во введении в научный обиход нового предмета для анализа – концептуально-метафорические преобразования слова *менталитет* в субъектно-предикатных сочетаниях. Основные результаты исследования: 1) в контекстах концептуально-метафорического овеществления лексема *менталитет* осмысливается как чувственно воспринимаемый объект: конкретная вещь, прибор, механизм, вещество (субстанция); 2) в контекстах концептуально-метафорического одушевления лексема *менталитет* осмысливается как живое, активно и целесообразно действующее существо, обладающее сознанием, эмоциями и волей. Делается вывод о значительной степени культурной освоенности этого абстрактного и иноязычного по происхождению понятия в русской языковой картине мира. Статья вносит вклад в усовершенствование современных когнитивно ориентированных лингвокультурологических стратегий научного поиска, а также в теорию и практику концептуального анализа языка. Практическая значимость работы состоит в возможности использовать ее основные результаты в журналистской практике и PR-проектах, в составлении словарей концептов нового типа, а также в производстве лингвистических экспертиз медийных текстов.

Ключевые слова: лексема *менталитет*, концепт МЕНТАЛИТЕТ / МЕНТАЛЬНОСТЬ, семантические преобразования, субъектно-предикатные сочетания, модели концептуальной метафоры, овеществление, одушевление, русская языковая картина мира.

*Адрес: 603950, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, д. 23; e-mail: lara_nn@mail.ru

Для цитирования: Жуковская Л.И. Семантические преобразования лексемы *менталитет* в метафорических моделях субъектно-предикатных отношений // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2021. Т. 21, № 3. С. 37–46. DOI: 10.37482/2687-1505-V101

Введение

Настоящая работа представляет очередной этап задуманного нами исследовательского проекта по фронтальному анализу условий и результатов контекстуальной актуализации лексем *менталитет* и *ментальность* как репрезентантов соответствующего концепта МЕНТАЛИТЕТ / МЕНТАЛЬНОСТЬ [1]. В центре нашего внимания непосредственно в данной работе находится лексема *менталитет* в контекстах ее употребления в рамках субъектно-предикатных конструкций, когда данная лексема в роли подлежащего сочетается с глаголами физического действия / состояния или ментального действия / состояния, в норме присущих человеческим существам. В соответствии с когнитивно ориентированной теорией концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [2], данные контексты воплощают в себе языковую манифестацию моделей концептуальной метафоризации по типу овеществления или одушевления абстракции, что выступает как проявление более общей тенденции в языковой концептуализации мира, которую в когнитивной лингвистике принято именовать *conceptual embodiment* (телесная воплощенность мышления) [3, 4].

В предыдущих исследованиях [1, 5] мы выделили ряд репрезентативных контекстов для реализации данных моделей концептуальной метафоризации: 1) контексты атрибутивной сочетаемости «прил. + сущ.» (например, *рыночный менталитет*); 2) контексты генитивной сочетаемости «сущ. + сущ. в род. пад.» (например, *тайна менталитета*); 3) контексты глагольно-объектной сочетаемости (например, *ломать менталитет*); 4) контексты субъектно-предикатной сочетаемости (например, *менталитет знает*). Именно последний тип контекстов употребления слова *менталитет* стал непосредственным предметом настоящего исследования.

Итак, целью работы явилось исследование семантических преобразований лексемы *менталитет*, номинирующей концепт МЕНТАЛИТЕТ /

МЕНТАЛЬНОСТЬ, в контекстах неузальной субъектно-предикатной сочетаемости как языковом воплощении концептуально-метафорических моделей овеществления или одушевления абстрактного концепта.

Методологической базой исследования послужили положения современной когнитивно ориентированной теории языковой концептуализации мира [6–8], или *projected world* [9–11], принципы лингвокультурологического описания явлений языка [12–14] и ключевых идей русской языковой картины мира [15–17]. В работе использованы: методика концептуального анализа, принятая в Нижегородской концептологической школе [5, 18–20]; научный инструментарий концептуального анализа абстрактных единиц языковой системы [21]. Материалом исследования послужили данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ)¹.

Еще Л.О. Чернейко были сформулированы идеи о важности контекстов употребления абстрактных имен в генитивных метафорах (например, *панцирь отчуждения*) или в сочетаниях с акциональными глаголами (например, *время бежит*) для выявления «глубинных проекций» абстрактного имени, определения характера его овеществленного или одушевленного представления в языковой картине мира [21]. Это, в свою очередь, позволяет сделать вывод о культурной освоенности данного концепта в национальной концептосфере. Указанные соображения обуславливают научную значимость работы. Очевидна и практическая значимость предпринятого исследования, состоящая в возможности применять его результаты в медийной практике и PR-проектах [1, 5], при составлении словарей концептов нового типа [18, 22], а также в лингвистических экспертизах разного рода [23, 24].

Обзор литературы

Менталитет как научное понятие начал исследоваться примерно с 20-х годов XX века, когда этот термин появился в трудах европейских социологов, культурологов, психологов

¹Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

и историков Средневековья (Л. Февр, М. Блок, Л. Леви-Брюль и др.). В отечественное научное пространство это понятие ввел выдающийся медиевист А.Я. Гуревич в конце 1960-х годов. Постепенно научное понятие «менталитет» становится междисциплинарным термином для широкого круга направлений в гуманитарном знании: его используют философы, религиоведы, социологи, культурологи, политологи, историки, психологи, антропологи, литературоведы и др. [5].

Термин *менталитет* и коррелирующая с ним *ментальность* как элементы метаязыка науки появляются в специальной научной речи также в работах А.Я. Гуревича, уже в начале 80-х годов XX века. Примечательно, что первый раз ученый употребил это слово в его французской версии и в кавычках: «*mentalité*» (1981), а затем, уже в конце 80-х годов, данный концепт был реализован в его работах в варианте «ментальность» (1989). Только в 90-е годы XX века слова «менталитет» и «ментальность» в качестве научных терминов попадают в словарные и энциклопедические издания по философии, психологии, социологии и пр., например в «Краткую философскую энциклопедию» (1994), в учебные пособия по философии, социологии, политологии, истории и пр. [5].

В лингвистике изучение проблематики менталитета и ментальности начинается примерно с конца 1980-х годов. В частности, среди современных исследований широко известна программа В.В. Колесова, основанная на диахроническом подходе [25]; опыт сопоставительного полилингвального изучения ментальности представлен в работе М.К. Головановской [26]; лингвокультурологические аспекты анализа национального менталитета развивают Н.Ф. Алефиренко, Т.Б. Радбиль и др. [19, 20, 27]. Однако все указанные авторы изучали содержательную сторону национального менталитета и ментальности. Исследования семантики и функционирования самих слов *менталитет* и *ментальность* как единиц лексико-семантической системы русского языка не проводились. Нача-

ло изучения этой проблемы было положено в нашем диссертационном исследовании [5].

Примерно в начале 90-х годов XX века лексема *менталитет* и ее коррелят *ментальность* входят в неспециализированную русскую речь, прежде всего – в медийный дискурс (по данным НКРЯ, впервые эти лексемы в языке российской прессы зафиксированы в 1991 году). Лексикографическая кодификация лексем *менталитет* и *ментальность* начинается позже, в конце 90-х годов XX века. Одним из первых это слово фиксирует «Толковый словарь русского языка конца XX века: Языковые изменения» (1998) под редакцией Г.Н. Складневской. Слова также отмечаются в переизданиях «Толкового словаря русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой конца 1990-х годов, в «Словаре иностранных слов» Н.Г. Комлева (2000), «Новом словаре иностранных слов» Л.П. Крысина (2005) и др. [5].

Совершенно очевидно, что в современной науке о языке назрела необходимость анализа семантики и особенностей функционирования лексем *менталитет* и *ментальность*, особенно в плане лингвокультурологической интерпретации рефлексов их культурного освоения. Именно этот пробел и призвана восполнить настоящая работа.

Согласно принятой концепции исследования, модели концептуальной метафоризации лексемы *менталитет* следует выявлять из репрезентативных контекстов неузуальной сочетаемости единиц, образующих анализируемый концепт. В нашем случае рефлексам овеществления или одушевления являются контексты употребления слова в сочетании с предикатами, которые в норме могут быть приписаны овеществленному или одушевленному сущностям чувственно воспринимаемого характера. Ниже представлены основные результаты предпринятого исследования.

Контексты употребления лексемы *менталитет* в концептуально-метафорических моделях овеществления (реификации)

В многочисленных контекстах субъектно-предикатной сочетаемости с глаголами

физического действия или воздействия, физического состояния, пространственного перемещения и пр. представлены модели овеятого метафорического представления менталитета в виде чувственно воспринимаемой сущности. Согласно воззрениям Дж. Лаккоффа и М. Джонсона, абстрактные сущности подобного рода могут восприниматься и переосмысляться как предмет или вещь, как механизм, техническое устройство, как вещество, субстанция или ресурс, как вместитель (контейнер) и т. п. [2].

Восприятие менталитета как конкретного предмета с четко очерченными в пространстве границами отражено, например, в следующем контексте из НКРЯ: – *Не считаю, что русский менталитет может стать препятствием* (А. Керопян. Виллаш-Боаш: «Хочу добиться с “Зенитом” больших побед» // Известия. 2014. 20 марта).

В подобных метафорических моделях менталитет в качестве предмета может:

1) подвергаться воздействию: *Получилось – с царем Алексеем Михайловичем, и с тех пор Украина на 350 лет попала под колониальную власть России, и наш национальный менталитет подвергся жестокому воздействию тотальной русификации* (А. Егорова. Валерий Примост: «Мы боремся не с Россией, а с вами внутри нас». Украинский писатель – о новых отношениях с Россией // Новая газ. 2016. 25 нояб.);

2) сам быть источником воздействия: *СОВЕТСКИЙ МЕНТАЛИТЕТ НАКЛАДЫВАЕТ ОТПЕЧАТОК – Гус Хиддинк ведет себя открыто* (О. Сокол. Глава Объединения отечественных тренеров Михаил Гершкович: Жду встречи с Гусом Хиддинком // Совет. спорт. 2008. 16 июля); *Это не злой дядя с жезлом царя в голове, а менталитет накрывает страну медным тазом круговой поруки, превращая украинца в жадного хохла и раба* (Л. Малюкова. Сегодня «Завтра» невозможно // Новая газ. 2015. 16 дек.).

Отметим, что похожие модели метафоризации могут быть отражены и в предикатно-объектных словосочетаниях, которые в большинстве

своем будут рассмотрены нами в следующих работах: *В нем признали, что сломать «дефляционный менталитет» японцев оказалось сложнее, чем предполагалось ранее* (П. Михальчук. Доллар вернулся к росту // Эксперт. 2014 г.).

Далее речь пойдет исключительно о контекстах субъектно-предикатной сочетаемости. Интересны примеры, когда в такой модели менталитет воспринимается как наблюдаемый объект (в данных контекстах имплицитруется «фигура наблюдателя», согласно концепции Ю.Д. Апресяна [7]): *Я долго размышляла над этим и пришла к мысли, что за общим пафосом сохранения ценностей было потеряно ощущение сегодняшнего дня, именно поэтому в новых условиях петербургский менталитет смотрится так консервативно* (В. Карелова. «Это Достоевский во всем виноват, он заморочил нам голову» // Известия. 2012. 19 июня).

В этом плане менталитет может осмысляться:

1) как сложно структурированный физический объект, состоящий из частей, элементов: *Наш доваряжский менталитет складывался из тяжелых работ по раскорчевыванию лесов, подготовке полей к короткому лету, обязанностей не упустить сезоны погоды, охоты, бортничества, чтобы не быть голодными* («Futurum», или О разделении России на «мы» и «они» // Жизнь национальностей. 2004. 16 июня);

2) как сооружение на разных этапах его возведения (в рамках «строительной» метафоры): *Да и для того, чтобы менталитет россиян перестроился на более низкую зарплату или работу в другой сфере, понадобится не один месяц...* (М. Селина. Своих мало // РБК Daily. 2008. 12 нояб.);

3) в составе «технической» метафоры: – *У арбитров должен выработаться менталитет, какой был у меня, – считает Розетти* (Е. Бредина. Судьям надо молодеть, учить английский и бегать // Известия. 2011. 1 дек.);

4) в виде механизма или технического устройства: *Вероятно, коммунистический менталитет Ельцина тормозил давно назревшее решение о передаче земле основателя*

советского государства (А. Собчак. Дюжина ножей в спину (1999)).

Другой стороной метафорического овеществления выступает осмысление менталитета как «биологического» объекта: *Сейчас, когда этот менталитет привился представителям всех поколений, люди старшего возраста имеют гораздо больше преимуществ за счет опыта* (Можно ли обойти требования нанимателя? // Труд-7. 2010. 13 янв.).

Менталитет также может быть представлен как вещество, которое распространяется по некоей физической среде или физическому, наблюдаемому пространству: *Но этот слой растет, этот социальный тип укрепляется, этот менталитет распространяется в обществе* (Кто защитит русский язык? // Известия. 2006. 11 июля).

Активность проанализированных концептуально-метафорических моделей овеществления для слова *менталитет*, реализованных в разнообразных контекстах субъектно-предикатных отношений, свидетельствует о том, что эта иноязычная по происхождению лексема ведет себя так же, как и исконно русские абстракции типа *судьба, время, знание* и пр. (рассмотренные в работе Л.О. Чернейко [21]), т. е. демонстрирует рефлексы значительной концептуальной освоенности в русской языковой картине мира.

Контексты употребления лексемы *менталитет* в концептуально-метафорических моделях одушевления

Еще более широко и разнообразно в обследованном материале представлены модели метафорического представления менталитета в виде живой, активно и целесообразно действующей сущности, обладающей ментальными и психическими свойствами, в норме присущими человеку. Эти модели, как правило, реализованы в контекстах субъектно-предикатной сочетаемости с глаголами пропозициональной установки (*думать, полагать, считать*), ментального (интенционального) или психического состояния (*знать, понимать, сомневаться, чувствовать*), желаний или волеизъявления (*хотеть, позволять, требовать*) и пр.

В основе подобной семантической деривации лежит модель метонимического переноса 'носитель признака, свойства, характеристики / субъект состояния → признак, свойство, характеристика / состояние' (*носители менталитета X знают → менталитет X знает*). Условно проанализированный материал можно разбить на группы, в которых менталитет осмыслен как:

1) субъект ментального состояния или логической операции (*сравнивать, сопоставлять, связывать* и пр.): *При этом национальный менталитет подразумевает скорее жесткий контроль извне, нежели внутренний самоконтроль* (А. Ильина. Почему доверие и свобода эффективнее бонусов и штрафов // Труд-7. 2010. 29 апр.); *Однако постепенно оно начинает тяготить московских князей – здешний менталитет предполагал полную и безусловную власть государя над всеми подданными* (А. Алексеев. Как строился «Третий Рим» // Наука и жизнь. 2009 г.); *Наш менталитет не предполагает желания завещать кому-то свои органы для трансплантации* (А. Чеповская. «Взяли органы – значит, убили, продали, заработали» // lenta.ru. 2015. 5 сент.); *Дело в том, что японский менталитет инстинктивно связывает море с трудом, с тяжелой и опасной работой рыбаков* (В.В. Овчинников. Размышления странника (2012));

2) субъект перцептивного модуса – субъект восприятия: *Идея социального равенства универсальна, но только российский менталитет воспринял ее как идею общенациональную* (А. Тулеев, губернатор Кемеровской области. КТО ТАМ ШАГАЕТ ПРАВОЙ? // Труд-7. 2000. 15 сент.); *Менталитет барокко воспринимал мир как сконструированную внешнюю среду и, соответственно, увлекался временем, смертью, руинами, упадком* (А.В. Полетаев, И.М. Савельева. Знание о прошлом: теория и история. Т. 1: Конструирование прошлого (2003));

3) субъект речевой деятельности: *Российский менталитет немедленно перевел термин на родной язык и придал ему ироническую окраску* (В. Быков, О. Деркач. Книга века (2000));

4) субъект желания, волеизъявления, каузации, согласия / несогласия: *Им мешает «цивилизованный» менталитет, который угрожает им гибелью от рук менее «цивилизованных» выходцев из стран третьего мира, заполнивших Европу за последние тридцать лет* (А. Алексеев. Гегемон в интерьере // Спецназ России. 2003. 15 февр.); *Можно ли сказать, что наш менталитет провоцирует непомерную щедрость?* («Деньги, секс и власть – вот что волнует человека» // lenta.ru. 2015. 24 авг.); *Наш-де совковый менталитет не позволяет этого сделать* (Д. Пирогов. Голодное брюхо к свободам глухо // Независимая газ. 2003); *Рабы не мы. Рабский менталитет заставляет людей угнетать черных. Условно говоря, они отыгрываются за свою неполноценность, пытаются самоутвердиться, почувствовать значимость* («Рабский менталитет заставляет гнобить черных» // lenta.ru. 2018. 16 марта); *Мой инженерный менталитет не может примириться с расширительным толкованием понятия «ум», которого Вы придерживаетесь* (В. Лебедев, Ю. Андреев. Моральный ум? // Интернет-альманах «Лебедь». 2003. 19 окт.);

5) субъект обладания: *У восточных народов национальный менталитет приобрел кланово-семейно-родовые характеристики* («Futurum», или О разделении России на «мы» и «они» // Жизнь национальностей. 2004. 16 июня).

Другая группа контекстов реализует концептуально-метафорическое представление менталитета в сочетании с глаголами контролируемого действия (*успевать, искать*) или результативного состояния (*уживаться*), перемещения в пространстве (*ходить, ползать*), а также с акциональными глаголами в составе «военной» метафоры (*побеждать, брать верх, уступать* и пр.). В таких контекстах менталитет выступает как:

1) субъект контролируемого действия: *Куда серьезнее – возможное недовольство военных, чей менталитет может не поспеть за быстрой эволюцией мысли верховного главнокомандующего в западном направлении...*

(Г. Бовт. Буш прислушался к Путину в одном. Договор с США станет испытанием для президента // Известия. 2002. 14 мая); – *Не боитесь ли вы, что в ходе расследования всплывут нелицеприятные подробности?* – *Русский менталитет всегда ищет какой-то подвох. Ничего всплыть там не может* (О. Вандышева, О. Шевцов. Подружки Прохорова еще засудят Францию // Комсомол. правда. 2007. 23 мая);

2) субъект результативного состояния: – *Ваш муж наполовину японец, как ваш русский менталитет уживается с восточным?* (С. Новикова. Красота по-русски // Мир & Дом. City. 2003. 15 февр.); *Дело в том, что сам менталитет создал разрыв во взаимопонимании между людьми, занятыми в экономической сфере, и самим западным обществом, которое пытается работать по американским схемам* (Джованни Бадзоли: «Россия пока не является великой экономической державой» // Известия. 2002. 29 дек.);

3) субъект целенаправленного перемещения в пространстве: *Врачи с их финским менталитетом ничего не скрывали: перелом шейного позвонка... Менталитет пошел дальше – до самого Выборга: именно до этого населенного пункта финны согласились оплатить транспортировку Юлии, поскольку в команде не оказалось средств для операции...* (Б. Валиев. Летучая Голубчикова. Через пять месяцев после перелома шейного позвонка Юлия вернулась в сектор для прыжков // Совет. спорт. 2007. 2 марта); *За пять лет действительно стало чисто и без денег: люди пошли на субботники вслед за Сагбо, а там и менталитет подтянулся* (Ю. Васильев. «Неприятно к чужакам – это нормально» // lenta.ru. 2015. 21 сент.); *И спать, спать... Колониальный менталитет вползает в меня* (Н.В. Кожевникова. Колониальный стиль (2003));

4) субъект военных действий, борьбы, конфликта и пр.: *Но русский менталитет пересиливает японскую отрешенность – мученики свалки мечтают о лучшем* (Е. Губайдуллина. «Смертельный двигатель» нашли на «Свалке» // Известия. 2012. 10 окт.); *Колхозный менталитет побеждает: «Давай, ребята, дружно*

навались, дело-то общее, а там посмотрим...» (Е. Арсюхин. Налог на... уход // Комсомол. правда. 2011. 10 нояб.); *Но европейский менталитет взял верх над эмоциями* (О. Сокол. Репортаж с пресс-конференции. Адвокату было нечего сказать... // Совет. спорт. 2007. 19 апр.).

В целом разнообразие и широкая представленность моделей концептуально-метафорического одушевления для лексемы *менталитет* также, на наш взгляд, свидетельствует о значительной степени концептуальной освоенности данного понятия в речевой практике современных носителей русского языка.

Вывод

Рассмотренные когнитивные модели конкретизации и даже одушевления абстракции являются культурной универсалией и имеются

в любом естественном языке, что выступает как отражение рефлексов мифологического анимизма. Проанализированные нами контексты субъектно-предикатной сочетаемости лексемы *менталитет* позволяют сделать вывод о существенной культурной разработанности концепта МЕНТАЛИТЕТ / МЕНТАЛЬНОСТЬ в русской языковой картине мира на современном этапе ее функционирования. Подобно исконно русским абстрактным лексемам (*время, судьба, знание, свобода* и т. п.), иноязычная по происхождению и абстрактно-терминологическая по характеру лексема *менталитет* естественно и свободно входит в контексты конкретизации, метафорически уподобляясь чувственно воспринимаемым объектам или субстанциям либо живым человеческим существам.

Список литературы

1. Жуковская Л.И. Языковая экспликация концепта «менталитет / ментальность» в русском языке последних лет (по данным Национального корпуса русского языка) // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2(2). С. 402–405.
2. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p.
3. Johnson M. *The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason*. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 233 p.
4. Lakoff G. *Women, Fire and Dangerous Things*. Chicago: University of Chicago Press, 2015. 632 p.
5. Жуковская Л.И. Семантическое наполнение концепта «менталитет / ментальность» и его языковое воплощение в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2015. 197 с.
6. Fauconnier G. *Methods and Generalizations* // *Cognitive Linguistics: Foundations, Scope, and Methodology* / ed. by T. Janssen, G. Redeker. De Gruyter Mouton, 1999. P. 95–128.
7. Апресян Ю.Д. *Избранные труды: в 2 т. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография*. М.: Яз. рус. культуры, 1995. 767 с.
8. Радбиль Т.Б. Аномалии в сфере языковой концептуализации мира // Рус. яз. в науч. освещении. 2007. № 1(13). С. 239–265.
9. Langacker R.W. *Entrenchment in Cognitive Grammar* // *Language and the Human Lifespan Series. Entrenchment and the Psychology of Language Learning: How We Reorganize and Adapt Linguistic Knowledge* / ed. by H.-J. Schmid. American Psychological Association; De Gruyter Mouton, 2017. P. 39–56. DOI: [10.1037/15969-003](https://doi.org/10.1037/15969-003)
10. Jackendoff R. *Foundations of Language: Brain, Meaning, Grammar, Evolution*. Oxford: Oxford University Press, 2021. 478 p. DOI: [10.1093/acprof:oso/9780198270126.001.0001](https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198270126.001.0001)
11. Talmy L. *The Targeting System of Language*. Cambridge: The MIT Press, 2018. 672 p.
12. Fleischer M. *Die Semiotik des Spruches: Kulturelle Dimensionen moderner Sprache*. Bochum, Brockmeyer, 1991. 422 p.
13. Gümen S., Herwartz-Emden L. *Ethnische Stereotypen, Fremdheit und Abgrenzung* // *Osnabrücker Jahrbuch. Frieden und Wissenschaft*. Osnabrück: Universitätsverlag Rasch, 1996. Bd. 3, S. 181–197.
14. Ковинова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 453 с.
15. Wierzbicka A. *Understanding Cultures Through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese*. New York: OUP, 2018. 317 p.

16. Радбиль Т.Б. Прецедентные тексты в языковой картине мира // Языковая картина мира в синхронии и диахронии: сб. науч. тр. Н. Новгород: НГПУ, 1999. С. 26–34.
17. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. М.: Яз. славян. культуры, 2005. 544 с.
18. Горшкова Т.М., Ручина Л.И. Словарь комбинированного типа как способ лексикографического описания концептосферы русской народной сказки // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6(2). С. 130–135.
19. Радбиль Т.Б., Маринова Е.В., Рацибурская Л.В., Самыличева Н.А., Шумилова А.В., Щеникова Е.В., Виноградов С.Н., Жданова Е.А. Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст: коллект. моногр. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. 325 с.
20. Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В. Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект // Мир рус. слова. 2017. № 2. С. 33–39.
21. Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М.: Изд-во МГУ, 1997. 320 с.
22. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1997. 824 с.
23. Радбиль Т.Б. Выявление содержательных и речевых признаков недобросовестной информации в экспертной деятельности лингвиста // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 6. С. 146–149.
24. Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Способы выявления имплицитной информации в лингвистической экспертизе // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3(2). С. 18–21.
25. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петерб. Востоковедение, 2006. 619, [4] с.
26. Головановская М.К. Ментальность в зеркале языка. Некоторые базовые мировоззренческие концепты французов и русских. М.: Яз. славян. культуры, 2009. 372 с.
27. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультуральная природа ментальности // Язык. Словесность. Культура. 2011. № 1. С. 20–39.

References

- Zhukovskaya L.I. Yazykovaya eksplikatsiya kontsepta “mentalitet / mental’nost” v russkom yazyke poslednikh let (po dannym Natsional’nogo korpusa russkogo yazyka) [Language Explication of the Concept “Mentalitet / Mental’nost” (“Mentality”) in the Latest Russian Language (According to the Data of Russian National Corpus)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2015, no. 2, pp. 402–405.
- Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago, 1980. 242 p.
- Johnson M. *The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason*. Chicago, 1987. 233 p.
- Lakoff G. *Women, Fire and Dangerous Things*. Chicago, 2015. 632 p.
- Zhukovskaya L.I. *Semanticheskoe napolnenie kontsepta “mentalitet / mental’nost” i ego yazykovoe voploshchenie v sovremennom russkom yazyke* [Semantic Content of the Concept of Mentality and Its Linguistic Representation in the Modern Russian Language: Diss.]. Nizhny Novgorod, 2015. 197 p.
- Fauconnier G. Methods and Generalizations. Janssen T., Redeker G. (eds.). *Cognitive Linguistics: Foundations, Scope, and Methodology*. De Gruyter Mouton, 1999, pp. 95–128.
- Apresyan Yu.D. *Izbrannye trudy. T. II. Integral’noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Selected Works. Vol. 2. Integral Description of Language and Systemic Lexicography]. Moscow, 1995. 767 p.
- Radbil’ T.B. Anomalii v sfere yazykovoy kontseptualizatsii mira [Anomalies in the Sphere of Linguistic Conceptualization of the World]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2007, no. 1, pp. 239–265.
- Langacker R.W. *Entrenchment in Cognitive Grammar*. Schmid H.-J. (ed.). *Language and the Human Lifespan Series. Entrenchment and the Psychology of Language Learning: How We Reorganize and Adapt Linguistic Knowledge*. De Gruyter Mouton, 2017, pp. 39–56. DOI: [10.1037/15969-003](https://doi.org/10.1037/15969-003)
- Jackendoff R. *Foundations of Language: Brain, Meaning, Grammar, Evolution*. Oxford, 2021. 478 p. DOI: [10.1093/acprof:oso/9780198270126.001.0001](https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198270126.001.0001)
- Talmy L. *The Targeting System of Language*. Cambridge, 2018. 672 p.
- Fleischer M. *Die Semiotik des Spruches: Kulturelle Dimensionen moderner Spruche (an deutschem und polnischem Material)*. Bochum, 1991. 422 p.
- Gümen S., Herwartz-Emden L. Etnische Stereotypen, Fremdheit und Abgrenzung. *Osnabrücker Jahrbuch. Frieden und Wissenschaft*. Osnabrück, 1996. Vol. 3, pp. 181–197.

14. Kovshova M.L. *Lingvokul'turologicheskiy metod vo frazeologii: Kody kul'tury* [Method of Linguistic Culture in Phraseology: Cultural Codes]. Moscow, 2013. 453 p.
15. Wierzbicka A. *Understanding Cultures Through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese*. New York, 2018. 317 p.
16. Radbil' T.B. Pretsedentnye teksty v yazykovoy kartine mira [Precedent Texts in the Linguistic Worldview]. *Yazykovaya kartina mira v sinkhronii i diakhronii* [Linguistic Worldview in Synchrony and Diachrony]. Nizhny Novgorod, 1999, pp. 26–34.
17. Zaliznyak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D. *Klyuchevye idei russkoy yazykovoy kartiny mira* [Key Ideas of the Russian Linguistic Worldview]. Moscow, 2005. 544 p.
18. Gorshkova T.M., Ruchina L.I. Slovar' kombinirovannogo tipa kak sposob leksikograficheskogo opisaniya kontseptsfery russkoy narodnoy skazki [Combined-Type Dictionary as a Way of Lexicographical Description of the Russian Folk Tales]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2011, no. 6, pp. 130–135.
19. Radbil' T.B., Marinova E.V., Ratsiburskaya L.V., Samylicheva N.A., Shumilova A.V., Shchenikova E.V., Vinogradov S.N., Zhdanova E.A. *Russkiy yazyk nachala XXI veka: leksika, slovoobrazovanie, grammatika, tekst* [The Russian Language in the Early 21st Century: Vocabulary, Word Formation, Grammar, Text]. Nizhny Novgorod, 2014. 325 p.
20. Radbil' T.B., Ratsiburskaya L.V. Slovoobrazovatel'nye innovatsii na baze zaimstvovannykh elementov v sovremennom russkom yazyke: lingvokul'turologicheskiy aspekt [Derivative Innovations on the Basis of Adoption Elements in Modern Russian: Linguoculturological Aspect]. *Mir russkogo slova*, 2017, no. 2, pp. 33–39.
21. Cherneyko L.O. *Lingvo-filosofskiy analiz abstraktnogo imeni* [Linguo-Philosophical Analysis of Abstract Nouns]. Moscow, 1997. 320 p.
22. Stepanov Yu.S. *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants. A Dictionary of Russian Culture. Studies]. Moscow, 1997. 824 p.
23. Radbil' T.B. Vyyavlenie soderzhatel'nykh i rechevykh priznakov nedobrosovestnoy informatsii v ekspertnoy deyatelnosti lingvista [Detection of Content and Speech Indicators of Dishonest Informing in Expert Activities of a Linguist]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2014, no. 6, pp. 146–149.
24. Radbil' T.B., Yumatov V.A. Sposoby vyyavleniya implitsitnoy informatsii v lingvisticheskoy ekspertize [The Methods for Detection of Implicit Information in Linguistic Expertise]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2014, no. 3, pp. 18–21.
25. Kolesov V.V. *Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste* [Russian Mentality in Language and Text]. St. Petersburg, 2006. 619 p.
26. Golovanivskaya M.K. *Mental'nost' v zerkale yazyka. Nekotorye bazovye mirovozzrencheskie kontsepty frantsuzov i russkikh* [Mentality Mirrored in Language. Some Basic Concepts in the French and Russian Worldviews]. Moscow, 2009. 372 p.
27. Alefirenko N.F. Lingvokul'tural'naya priroda mental'nosti [Linguistic-Cultural Nature of Mentality]. *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura*, 2011, no. 1, pp. 20–39.

DOI: 10.37482/2687-1505-V101

Larisa I. Zhukovskaya

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;
prosp. Gagarina 23, Nizhniy Novgorod, 603950, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2044-1829> e-mail: lara_nn@mail.ru

SEMANTIC TRANSFORMATIONS OF THE LEXEME *MENTALITET* ('MENTALITY') IN THE METAPHORICAL MODELS OF THE SUBJECT-PREDICATE RELATIONSHIP

This article presents a new stage of the research project on the frontal analysis of conditions and results of contextual actualization of lexemes representing the Russian concept *MENTALITET*/*MENTAL'NOST'* ('MENTALITY'). Here, the author studied the word *mentalitet* ('mentality') in non-usual subject-predicate combinations. The aim was to analyse semantic transformations of the lexeme *mentalitet* in the

For citation: Zhukovskaya L.I. Semantic Transformations of the Lexeme *mentalitet* ('Mentality') in the Metaphorical Models of the Subject-Predicate Relationship. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2021, vol. 21, no. 3, pp. 37–46. DOI: 10.37482/2687-1505-V101

conceptual metaphorical models of reification and animation. L.O. Cherneiko's method of cognitive interpretation of abstract words and the method of conceptual analysis elaborated by Nizhny Novgorod Conceptological School were applied in the paper. For material the author turned to the Russian National Corpus. The scientific value of the article consists in introducing a new aspect of conceptual analysis, i.e. conceptual metaphorical transformations of the word *mentalitet* in subject-predicate combinations. The key findings are as follows: 1) in the contexts of conceptual metaphorical reification, the lexeme *mentalitet* is interpreted as a sensually perceived object: a concrete thing, device, mechanism, material (substance); 2) in the contexts of conceptual metaphorical animation, *mentalitet* is perceived as a living, rationally and efficiently acting being endowed with consciousness, emotions and will. The author comes to the conclusion that this borrowed abstract concept has been to a large extent appropriated by the Russian linguistic worldview. The paper makes a sufficient contribution to contemporary cognitively oriented linguoculturological research strategies as well as to the theory and practice of conceptual analysis. The practical value of the article lies in the opportunity to use its main results in journalism and PR projects, as well as in compiling a new type of concept dictionaries and in linguistic examination of media texts.

Keywords: *lexeme mentalitet ('mentality'), concept MENTALITET/MENTAL'NOST' ('MENTALITY'), semantic transformations, subject-predicate combinations, conceptual metaphor models, reification, animation, Russian linguistic worldview.*

Поступила: 14.09.2020

Принята: 10.04.2021

Received: 14 September 2020

Accepted: 10 April 2021